

Он сильно ошибался. Позже Гу Линчжи узнал, что монах думал, будто они пришли, чтобы стать монахами, и чуть не ударил того лысого по голове. Чёрт возьми, он чуть не умер от страха!

Позже их внесли в храм несколько лысых монахов. Гу Линчжи выпил несколько чашек воды, прежде чем пришёл в себя, и объяснил всем, зачем они пришли.

Услышав, что они снова ищут Великого мастера Кунмина для лечения, монах, который качал головой у входа, отправился в задний двор, чтобы позвать его.

Оставив монаха Кунбиня присматривать за ними, остальные разошлись по своим делам, не проявляя ни особого внимания, ни равнодушия.

Кунбинь, не имея ничего лучше делать, решил завести разговор с Гу Линчжи:

— В последние годы мало кто поднимается сюда за лечением. Раньше был период, когда многие приходили, но немногие действительно доходили до вершины.

— Великий мастер Кунмин, наверное, не очень добродушный? Говорят, он не всех лечит.

Кунбинь улыбнулся, с лёгкой долей сожаления:

— Люди слишком возвеличивают Великого мастера Кунмина. Как кто-то может воскрешать мёртвых и лечить безнадежных? Те, кто приходит сюда, обычно уже на пороге смерти, а некоторые и вовсе мертвы. Великий мастер Кунмин не отказывает в помощи, он просто не может помочь.

Гу Линчжи начал понимать. Эти люди приходили сюда, потому что слышали о чудесах Великого мастера Кунмина. Он уже стал легендой, и если бы он сказал, что не может помочь, кто бы поверил? Люди бы просто сказали, что он капризничает.

Прошло много времени, но никто не появлялся. Гу Линчжи решил, что раз уж человек такой важный, то и ждать его можно. Он терпеливо ждал.

Но когда Великий мастер Кунмин наконец появился, Гу Линчжи был поражён. Оказалось, что он тоже был инвалидом на ногах!

С той разницей, что под его штанинами ничего не было.

Великий мастер Кунмин с опущенными уголками глаз и добродушным выражением лица спросил их:

— Кто нуждается в лечении? Какая болезнь?

Гу Линчжи сложил ладони в приветствии и указал на Фу Юньцэ, лежащего без сознания:

— Проблемы с ногами.

— Кто вы? Какое отношение имеете к этому человеку?

Гу Линчжи, опасаясь, что в вопросе есть какой-то скрытый смысл, осторожно спросил:

— Это как-то связано с лечением?

Кунмин просто улыбнулся:

— Ха-ха, нет, просто интересуюсь. Вы, молодёжь, мне все незнакомы...

— Я Гу Линчжи, ученик 58-го поколения горы Цанъюнь, а это потомок друга моего учителя.

В этом не было ничего плохого, но Гу Линчжи не стал уточнять их отношения. Как бы он мог объяснить, что сейчас они даже не друзья?

— Внук Юнь Шэня, неплохо, — Кунмин всё ещё улыбался, медленно кивая. — Я как раз интересуюсь проблемами ног, могу посмотреть. Но я отнесу его в тихую комнату, и до его выхода вы не должны беспокоить.

Он не сможет наблюдать? Гу Линчжи немного забеспокоился, но подумал, что лечение требует спокойствия, и посторонние могут помешать работе Великого мастера Кунмина, поэтому он кивнул.

Кунмин приказал отнести Фу Юньцзэ в тихую комнату в заднем дворе. Взглянув на этих двоих, он вдруг убрал улыбку с лица и глубоко вздохнул, словно вспоминая свои юные годы.

— Молодой человек, видно, что у вас с этим человеком непростые отношения. Ваш дед Юнь Шэнь был таким же, но, к сожалению, его жизнь закончилась не лучшим образом, — Великий мастер Кунмин не удержался и добавил:

— В молодости мы совершаем много ошибок, но они не так важны. Главное, чтобы в конце не осталось сожалений.

Каких сожалений? Фу Юньцзэ всё ещё был без сознания, как он мог понять, что их отношения непростые?

Гу Линчжи всё ещё размышлял над словами Великого мастера Кунмина, но тот уже ушёл.

В тихой комнате Фу Юньцзэ был помещён на прозрачную ледяную кровать. Стены были украшены огромными жемчужинами, а потолок был очень низким, также усеянным жемчужинами.

Фу Юньцзэ чувствовал, что ему снился долгий сон.

Ему казалось, что он нёс кого-то на спине, то в узких извилистых туннелях, то в холодной морской воде.

Он не знал, кого он нёс, но чувствовал, что этот человек был очень важен.

В ногах появилась острая боль, как будто его ударили палкой или чем-то острым.

Ах да, он вспомнил, что его ноги были сломаны. Но почему? Неужели ради Чжун Лили?

Но каждый раз, глядя на Чжун Лили, он не чувствовал ничего, кроме родственной любви. Как он мог понять, что такое влюблённость?

Фу Юньцзэ был уверен, что когда-то любил кого-то. Было ли это в тех воспоминаниях, которые он насильно запечатал? Если в тех воспоминаниях был кто-то, кого он любил, то почему он их запечатал? Почему этот человек не пришёл за ним?

В голове было множество вопросов. Фу Юньцзэ хотел открыть глаза, но не мог.

Где он сейчас? Кажется, его куда-то несут. Грудь упиралась в чьи-то лопатки. Его несли на спине?

Но только что он сам нёс кого-то. Кто этот человек? Кого он нёс? Это был один и тот же человек?

Боль в ногах становилась всё сильнее, и он, не успев подумать, потерял сознание.

.....

Гу Линчжи уже был на грани безумия. Есть только редьку и капусту, слушать, как монахи бьют в колокола и читают молитвы, было ещё терпимо, но отсутствие новостей вызывало всё большее беспокойство.

Сначала он думал, что всё займёт несколько часов, потом предположил, что может потребоваться день или два. Но прошло уже пять дней, а никаких изменений не было. Он даже начал сомневаться, не галлюцинирует ли он, и существует ли Храм Фаньча на самом деле!

Несколько раз он хотел заглянуть в тихую комнату, но монахи Кунъинь и Кунфань стояли по обе стороны, преграждая ему путь. Силой пройти было невозможно, Гу Линчжи не мог с ними справиться.

Ну что ж, попробуем по-другому.

— Два мастера, нет, вы выглядите так молодо, я могу называть вас старшими братьями. Позвольте мне пройти и посмотреть. Скажите, разве Великий мастер Кунмин не ходит в туалет? Почему нет никаких новостей?

Два монаха остались непреклонны. Кунфань был серьёзен и даже не удостоил его ответом, а Кунъинь с улыбкой сказал:

— Эй, наш возраст в несколько раз больше твоего. Даже если ты назовёшь нас прадедами, это не поможет.

Видимо, эти двое были непробиваемы. Гу Линчжи сдался и, не в силах уснуть, отправился молиться Будде, надеясь, что даже если ноги Фу Юньцзэ не вылечат, они хотя бы не станут хуже. Вспомнив пустые штанины Великого мастера Кунмина, Гу Линчжи боялся, что тот в порыве отрежет и ноги Фу Юньцзэ.

Заодно он пожаловался Будде на монахов, сказав, что они слишком бесчувственны и не соответствуют принципам сострадания.

Так прошло десять дней. Гу Линчжи уже был бледен от скудной пищи. Он не мог понять, чего добиваются эти так называемые просветлённые монахи!

Он хотел пойти в горы и подстрелить пару зайцев, чтобы утолить голод, но каждый раз, когда он пытался, один из монахов словно появлялся из ниоткуда, чтобы спасти животных, и начинал читать ему лекцию:

— Уважаемый, в Храме Фаньча нельзя убивать!

И это ещё не всё. Он начинал долгие проповеди, от которых у Гу Линчжи сводило живот.

В этот день Гу Линчжи наконец смог обойти всех и, встав рано утром, пока монахи занимались утренней молитвой, пробрался в лес. Он быстро поймал белого кролика, который сидел на поляне.

Уже представляя себе золотистую жареную кроличью ножку, Гу Линчжи почувствовал, как у него во рту накапливается слюна. Он уже собирался действовать, как вдруг кто-то внезапно появился за его спиной и хлопнул его по плечу...

Чёрт возьми, как он мог быть пойман!

Гу Линчжи бросил испуганного кролика на землю, сложил ладони и начал бормотать:

— Простите, простите, мастер, не надо читать мне проповедь, я уже понял свою ошибку. Я просто хотел извиниться перед этим кроликом за то, что вчера поймал его брата!

Если бы кролик мог понять его, он бы, наверное, обругал Гу Линчжи: «Бесстыжий человек, вчера ты поймал серого, а я белый, ты что, ослеп?»

<http://bllate.org/book/16633/1523842>